

Строем выскакивали в любую погоду во двор, в туалет, оттуда на плац, на физзарядку. Затем в казарме умывались, застилали постели и через 40 минут шли в столовую строем и с песней.

Раз в 10 дней водили строем в баню и меняли белье. Приучали к холоду.

Однажды под Новый, 41-й год, мы были на стрельбище в 30-ти километрах от Коростеня. Возвращались усталые и голодные. Не доходя до моста, уже в городе, вдруг команда: «Стой! Напра-во!» и, задрав шинели вброд через речку Ужик! Речка была не широкая, но вода в ней – коричневого цвета (выше по течению стоял сквидарный заводик). По пояс вброд, в сапогах, потом бегом в казарму...

Правда, там нас ждало сухое белье, обмундирование и сытый ужин. И только, улегшись в постели и согревшись, вдруг услышали чей-то голос: «Хлопцы! С Новым годом!». Никто не заболел. Как я позже узнал, подобные «купания» практиковались и в других частях. Мой товарищ Володя Михайлов служил в Литве в городе Мариамполе., После такого «купания» он получил воспаление легких и 17-го января умер. Об этом мне сообщила его сестра в письме.

В течение дня нас ждала очень тяжелая работа в артиллерийском парке. Орудие состояло их 4-х частей, собрать его и изготовить к стрельбе нужно было по нормативу за два часа. Правда, после восьмимесячной тренировки огневой взвод, состоявший из 23 человек, управлялся с этой работой за 50-55 минут, но при этом выматывались до изнеможения, ведь вес орудия в собранном виде составлял около 20 тонн.

Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, как попали к нам эти орудия 1915 года выпуска системы Шнейдера. Скорее всего, были сняты где-то с береговой обороны. Для их установки сначала копалась яма 2 на 3